

М. А. Наровецкий*

ТЕОРИЯ МОРАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ К. С. ЛЬЮИСА

Настоящая статья посвящена изучению проблемы морального познания. В исследовании ставится вопрос о существовании теории морального познания К. С. Льюиса. Для подтверждения гипотезы прорабатываются философские и художественные труды автора, производится обобщение теоретических изысканий и актуализация теории посредством ее соотнесения с существующими положениями современной моральной философии.

Ключевые слова: моральное познание, ценность, этика, мораль.

M. A. Narovetskii

CLIVE S. LEWIS' THEORY OF MORAL COGNITION

This article is devoted to the study of the problem of moral cognition. The study raises the question of the existence of the theory of moral cognition of C. S. Lewis. To confirm the hypothesis, the article deals with the philosophical and artistic works of the author, generalization of theoretical research and actualization of the theory through its correlation with the existing provisions of modern moral philosophy.

Keywords: moral knowledge, value, ethics, morality.

В связи с развитием естественных наук в начале XX в. возникло представление о том, что ряд областей человеческой жизни, в т. ч. мораль и ценности, не могут быть адекватно описаны научным языком.

Некоторые из этого заключили, что морали и ценностей либо вообще нет, либо они не представляют предмета научного интереса и не имеют научного значения. Вместе с тем мораль и ценностно-нормативные факторы это то, что обладает очевидной действенностью в жизни человека и общества. Поэтому после окончания Второй мировой войны происходит попытка переоценить научное к ним отношение. Одним из первых мыслителей, предпринявших

---

* Наровецкий Максим Алексеевич, аспирант, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного РАН; wanderer123@mail.ru

значительные шаги в этом направлении и повлиявших при этом на многих, был К. С. Льюис.

Льюис был многогранной личностью: философом, литератором, историком, лингвистом, литературным критиком. В каждой из этих областей его достижения ставили его на высокое место. Льюис входил в клуб «Инклингов», дискуссионную группу, членами которой были в основном представители оксфордских академических кругов, и составлял, наряду с Дж. Р. Р. Толкином, его основное ядро. В России Льюис известен главным образом как автор «Хроник Нарнии». Его уникальность состоит в том, что он преуспел не только в теории морального познания, но и впечатляющим образом продемонстрировал действенность моральных норм и ценностей, а также процесс морального познания в своих научных и литературных произведениях.

Научное наследие Клайва Льюиса, в силу большого разнообразия сфер его интересов, можно рассматривать под разными углами зрения. Значительная часть работ о Льюисе посвящена ему как литературному критику, реже его изучают как богослова и теолога, а критики же его как мыслителя и философа совсем немного.

При изучении работ Льюиса порой может возникнуть затруднение с экспликацией аргументов и убеждений автора, которые он очень тонко, часто на первый взгляд не совсем ясно, излагает в своих трудах, демонстрирующих его незаурядную эрудицию. Еще одна сложность состоит в том, чтобы реконструировать его взгляды в целостную систему теории морального познания. И хотя в явном и стройном виде теория на первый взгляд не видна, но если проанализировать многочисленные доводы, приведенные в его философских работах и проиллюстрированные в достаточно большом количестве художественных произведений, системный взгляд на проблему хорошо просматривается. При всех этих трудностях в огромном наследии Льюиса: его философских эссе, множестве писем, и литературных произведениях, существует достаточно большой потенциал создания полноценной теории. Именно поэтому нам необходимо попытаться воссоздать теорию познания в области морали и, по возможности, вписать данную теорию в русло современных взглядов в области моральной философии.

Изначально можно предположить, что философские взгляды Льюиса следует отнести к умеренному реализму. Центральная опора его реалистической позиции в том, что существует моральная реальность и в опыте мы действительно чувствительны к моральным свойствам, которые являются такой же частью реального мира, как и любые другие.

В этом русле Клайва Льюиса можно поставить в один ряд с такими философами, как Н. А. Лосский, Хилари Патнам, Айрис Мэрдок, Дэвид Макнотон, Алвин Плантинга.

Также необходимо добавить, что проблемы, поставленные Льюисом при изучении морального вопроса, не потеряли своей актуальности и в наше время. Это в частности вопросы ценностного релятивизма, «искусственной» системы ценностей и нравственной зрелости общества.

Льюис и современные ему этические теории

Льюис вел непрерывную философскую дискуссию с ученым сообществом и был не согласен с современными ему теориями морали, положения которых продолжают обсуждаться и в современной моральной философии. Основные возражения Льюиса были связаны с усилением позиций нескольких течений в философии. Одним из них являлся натурализм (в современной трактовке — физикализм), теория в основании которой лежит предпосылка, что все имеет физическую природу либо, по крайней мере, объяснимо физическим языком. В связи с этим Льюиса беспокоил процесс дегуманизации познания, который тесно связан с увеличившейся в науке и общественной жизни ролью естественных наук, благодаря которым рождаются открытия и изобретения, ведущие к прогрессу и росту человеческого благосостояния. В результате чего внимание человечества переключается с одних ценностей, из ряда традиционно человеческих, на другие, совершенно чуждые человеческой природе. Возражения Льюиса были связаны с тем, что преобладающий в обществе взгляд на мир только с физикалистских позиций, полагающий картину мира как исключительно физическую, не может рассматривать предметом своего изучения духовную часть действительности и что духовное несводимо к физическому. В связи с этим Льюис доказывает, что в физикалистской теории не существует таких важных переменных человеческой действительности, как мораль и норма, и она не предусматривает познание ценностей как таковых.

Нон-когнитивистские течения (субъективизм и эмотивизм) усиливали данную тенденцию дегуманизации, утверждая, что моральные суждения не имеют объективного значения, они непознаваемы, ненаучны и недоступны эмпирической проверке. Таким образом, нон-когнитивисты не видят «ценностные высказывания» в качестве посылок, на основании которых могут быть вынесены любые другие суждения. Льюис оспаривает это положение, заявляя, что если подобного рода суждения не являются научными, (по мнению нон-когнитивистов оценочные суждения представляют собой просто выражения эмоций, которые не могут быть ни истинными, ни ложными) во все не означает, что они не являются в буквальном смысле значимыми. Льюис доказывает существование предметов морального познания, и орудием в его непреодолимых возражениях против радикального эмпиризма становятся аналитические аргументы в этике и эстетике.

В философской работе «Чудеса» Льюис подверг критике редукционизм и сводимость восприятия моральных ценностей к простому описанию фактов действительности. В своем известном аргументе в споре с натуралистами он отвергает физикалистский взгляд на мир, который не предусматривает оценочных суждений и нравственных понятий и сводит «все идеи о добре и зле» к «галлюцинациям и теням», отбрасываемым на внешний мир «импульсами, которые мы вынуждены чувствовать» [2, с. 172]. Он выражает свое несогласие с тем, что натуралисты не готовы признавать способность разума познавать моральные ценности, объясняя подобную мыслительную активность химическими реакциями и комплексом ощущений. Льюис аргументирует: если, то «что мне кажется ясным логическим мышлением — это продукт иррационального», случайных химических процессов и «всего-навсего комплекс

ощущений, свойственных подобным мне существам, то как же я могу доверять своему разуму, когда он говорит мне об эволюции» [4, с. 432]. Чуть позднее этот аргумент детализирует А. Плантинга в своей работе “Warranted Christian Belief” [7, p. 232].

Льюис дополняет эти возражения доводами против эволюционистского подхода к иерархии и устройению нашего мира. Возможность существования только физикалистского мира Льюис замечательно проиллюстрировал в «Мерзейшей мощи», третьей части «Космической Трилогии». В сюжете с одним из героев, Марком, регулярно проводят беседы, с целью редуцирования его системы ценностей до «гуманистических и эстетических предрассудков», объясняя, что выносимые им этические суждения по сути всего лишь «химические реакции» [3, с. 31]. Целью таких бесед являлось уничтожение в герое способности выносить правильные оценочные суждения о мире, ограничиваясь лишь описательным значением фактов.

Основная работа Льюиса по моральной философии, трактат «Человек отменяется», начинается спором с эмотивистами и субъективистами. Эмотивизм, как и субъективизм, — направление в моральной теории, принимающей такую модель разума, которая обеспечивает сознание нейтральными фактами, а на их основе уже происходит выбор в пользу какой-либо ценности. В случае с эмотивизмом выбор делается с опорой на эмоциональную силу ценности, исходя из показаний чувств, а в случае с субъективизмом — исходя из субъективных предпочтений и личного отношения к ценности. Сама ценность при этом может быть создана совершенно искусственно и не являться частью настоящей реальности.

В трактате и «Чудесах» Льюис опровергает доводы субъективистов и эмотивистов, показывает, что мир не содержит только факты и исключительно нейтральные основания, и утверждает, что выбор в пользу какой-либо ценности происходит не случайно, а имеет рациональные предпосылки. Он настаивает, что если не поместить в основание суждения ничего по-настоящему ценного, помимо показаний чувств или субъективного отношения к чему-либо, то выбор будет произвольным. Кроме того, Льюис демонстрирует, что из суждений, где просто констатируется нейтральный факт, нельзя вывести ничего и сделать сколько-нибудь рациональный или нерациональный выбор.

Из фразы: «Это спасет людей» — не в коем случае не следует — «Значит я это сделаю». Тут необходимо промежуточное звено: «Людей спасти нужно». Как и из фразы: «Но ты же погибнешь» — тоже не следует — «Значит этого делать не надо». Подразумевается промежуточное звено: «Мне гибнуть нельзя». Наш разум — практический, и необходимо признать, что суждение: «Людей нужно спасти» — не заблуждение подсказанное чувством или произвольным предпочтением, а как бы сама разумность [1, с. 385].

Дополнить этот аргумент помогут доводы, которые Льюис выдвигает в споре с составителями «зеленой книжки», школьного учебника хрестоматии:

Когда человек произнес слово «величие», он думал, как и другие, что определяет водопад. На самом же деле... он определял лишь собственные чувства. В действительности он сказал: «...водопад вызывает у меня чувства, связанные

в моем уме с понятием величия», или короче: «...вызывает у меня чувство величия» [1, с. 374].

Уже в словах восхищения водопадом «Кольриджа» Льюис видит проблему: оценочное высказывание свидетельствует исключительно и только о чувствах говорящего, происходит смещение акцента с переживания самой ценности — «великого водопада» — на переживание чувства (восторга и величия). И когда дама, смотря на водопад, произносит фразу: «Какая прелесть!» [1, с. 378], она высказывает не само убеждение, а лишь описывает свои чувства по отношению к нему. Такие высказывания Льюис называет практически пустыми. Хилари Патнам поддерживает эту линию критики субъективизма, добавляя, что мы принимаем за этические наблюдения нечто, что в действительности является наблюдением наших собственных субъективных этических чувств.

Проблема субъективизма рассматривается Льюисом еще под одним углом зрения. При формировании отношения к ценности можно пропустить важный момент, когда в игру «уже вступила этика» [1, с. 375], и в результате мы получим искаженное восприятие ценности и ложные чувства по отношению к ней.

Таким образом, с одной стороны, мы сформируем неправильное и искаженное понимание ценности: «Школьник ничего не узнает о ценности из набора рекламных фраз», а величие океана ему заменит «определенное количество литров холодной и соленой воды» [1, с. 376].

Реклама сулит тому, кто купит билеты, что он «пересечет океан, чьи волны бороздил корабль Дрейка», «увидит чудеса и красоты обеих Индий» и привезет домой «сокровища счастливых часов и дивных», опять же, «красот». Конечно, стиль ужасен; здесь нагло эксплуатируются чувства, которые испытываем мы, увидев места, связанные с историей и легендой. Если бы Кай и Тит, выполняя обещанное, учили школьников хорошо писать, они поместили бы рядом отрывки из лучших писателей, где выражены те же чувства, и обстоятельно объяснили, в чем разница [1, с. 375–376].

О результате такого искажения Льюис говорит в эссе «Бремя славы», показывая, что «неосведомленный ребенок продолжит делать грязные пироги в трущобах, так как он не может вообразить, что подразумевается под предложением отдыха на море» [9, р. 2].

С другой стороны, субъективизм приводит к произвольному «укладыванию» ценностей в иерархию, в своевольном, субъективном порядке, возвеличивая одни ценности в абсолют и понижая статус других, не менее важных, до минимума. Хилари Патнам добавляет, что в результате такой произвольности ранжирования ценностей нам, к примеру, вполне может вздуться спокойно начать уничтожать другие культуры [10, р. 161].

Позиция Льюиса

Системно моральные изыскания Льюис излагает в своем философском эссе «По Этике», ставшем предтечей большой философской работы — трактата «Человек отменяется». В нем Льюис изображает мир не нейтральным, а пронизанным с самого начала моральными ценностями. Он показывает, что в нашем опыте нет исключительно нейтрального, а есть многообразие норма-

тивного, являющегося основой для оценочных суждений, и что в реальности есть нечто большее, чем то, чего могут достигнуть наши органы восприятия.

Представляя мир упорядоченным, Льюис стремится показать, что ценности следует искать не только в человеке и что универсум не эгоцентричен. Переживая мир в опыте, мы соприкасаемся с реальностью, в которой находим и открываем для себя духовное, нормы и ценности, познавая мир таковым, каков он есть на самом деле. Мысль Льюиса об иерархичности мира и об источниках познания мира через природу и искусство близка и Айрис Мэрдок, считавшей, что через познание прекрасного человек отходит от эгоцентричной модели мира и, открывая истинные ценности, встраивает себя в общую его систему.

Иллюстрацией тому могут служить развитая структура вымышленной иерархии в мирах «Нарнии», где Льюис населяет пустую вселенную и предлагает увидеть, каково это — думать о морали не как о случайном, а как о встроенном в реальность. Структура получается очень интересной, человек и говорящие звери становятся равноценными, а обычная растительность — не просто деревьями, а Дриадами.

Познание ценности — это соотнесение ее с истиной, понимание должным образом ее объективного места мире, рациональное осмысление ее места в ценностной иерархии.

Говоря об объективности, Льюис находит что и

у Платона, и у Аристотеля, и у стоиков, и у ветхозаветных иудеев, и у восточных народов бросается в глаза одна общая и очень важная мысль. Все они признают объективную ценность; все они считают, что одни действия и чувства соответствуют высшей истине, другие — не соответствуют. Человек, подчиняющийся «дао», может назвать ребенка милым, а старика — почтенным, выражая не собственные эмоции, но некие объективные свойства, которые мы обязаны признавать [1, с. 385].

Для выстраивания объективной и правильной ценностной иерархии Льюис, вслед за Платоном и Аристотелем, предлагает изначально привить оценки и мнения. В этом случае мы не будем так восприимчивы к внешней интервенции в сложившуюся систему с целью формирования кому-либо удобных предпочтений или манипуляций, чтобы в «сознании сложился удобный нам мираж» [1, с. 381].

В своих мирах Льюис изображает процесс познания и воспроизводит эпистемологический опыт восприятия моральной реальности. В основу оценочного суждения он помещает поиск рациональных оснований. Иллюстрацией того, как формируется моральное убеждение, служит пример поступка Марка Стеддока. Герой приходит к видению объективных оснований для совершения поступка и принимает рациональное решение в соответствии с правильным пониманием ценности — предзаданным человеческим законом, осознавая, каким образом устроен нормальный человеческий мир, и видя порочные основания враждебной человеку системы.

Объективность может родиться лишь в правильном соотнесении предмета с истиной, в этом же соотнесении, по Льюису, рождаются и правильные

оценочные суждения. Наши оценки либо будут свидетельствовать об истине, либо будут выражать наше субъективное мнение, отношение или чувство. Разбирая связь чувств и разума, Льюис на примере высказывания «Эти туфли не жмут мне!» [1, с. 380] показывает, что, с одной стороны, мы говорим об ощущениях, с другой — о наших чувствах (отношении), а с третьей — о самих туфлях. Дэвид Макнотон определяет первые два взгляда на предметы как не-когнитивистские, в которых убеждения заменяются отношением к факту [8, р. 9]. «Само же по себе чувство — не суждение, и потому оно внеположно разуму. Однако оно может быть разумным и неразумным, в зависимости от того, сообразно оно или не сообразно разуму. Сердце не заменяет головы, но должно подчиниться ей». Но «голова правит утробой при помощи сердца, т. е. при помощи хорошо поставленных чувств» [1, с. 381–382].

Связь чувств и разума при восприятии ценности и сообразность чувств объективной действительности в позиции Льюиса входят в контраст с позициями реализма в его крайнем проявлении, пытавшегося «отделить чистые операции разума от путанной страстной эмпирической души» [5, с. 120]. Принципиальное отличие от крайнего реализма Э. Канта состоит в том, что Льюис учитывает чувства в широком контексте как фактор познания, а не только лишь как транспорт, поставляющий информацию для синтеза нашему рассудку и разуму. С помощью чувств мы воспринимаем материальный мир, но они также задействованы и для познания незримого — отношений и эмоций. В первом случае чувства восприятия помогают нам описывать факты, во втором — выносить оценочные суждения. Чувства равным образом задействованы в восприятии действительности, мира фактов и мира ценностей. Они задействованы в вынесении суждений о реальности с разных углов зрения в широкой нормативно-ценностной палитре, таким образом, дополняя познание и упорядочивая действительность до таковой, какова он есть на самом деле. Причем у Льюиса как и у Николая Лосского, ценность (норма) всегда будет оставаться условием возникновения определенных чувств, а не их следствием [6, с. 81].

Льюис заключает, что объективность познания моральной действительности складывается из актов познания, в которых задействованы и наши чувства восприятия и переживания, и разум. Акты — это рассуждения, в основе которых лежит не произвольное, субъективное суждение, а суждение, достоверность которого определяется тем, лежит ли в его основании ценность. Ценность — это наши послышки в рассуждении, на основании которых и строится весь вывод. Моральное познание — это умение различать и ранжировать ценности в иерархии, путем соотнесения их с истинным положением в мире. Получив представление о ценности, т. н. первичные основания, не требующие выведения и доказательств, в опыте мы открываем для себя мир под правильным углом. Отсутствие ценностно-нормативного в познании, а также мнимые и неверно привитые ценности могут кардинально поменять картину воспринимаемой реальности.

Для иллюстрации подмены можно привести следующее рассуждение: «Зло плохо, поэтому я не буду совершать плохие поступки». И если в этом выводе отменить ценность добра или произвольно поменять ценности добра и зла

местами, вывод может трансформироваться в рассуждение Сатаны у Мильтона: «Зло — будь моим добром!», которое можно будет завершить следующим заключением: «Я буду творить зло и совершать ужасные и скверные вещи!»

Заключение

Таким образом, исходя из вышеизложенного, предположение о существовании теории морального познания К. С. Льюиса становится более очевидным. Для отнесения взглядов Льюиса на теорию морали к реализму умеренного крыла и детализации его теории можно суммировать его взгляды в следующих положениях:

1. Реальность не содержит лишь нейтральных оснований, в мире, помимо фактов, существуют этические нормы и ценности, и они существуют объективно. Моральные ценности — это такие же свойства мира, как физические, химические и биологические. Моральное познание реальности происходит в опыте, познавая, мы открываем мир под всеми доступными нам углами таковым, каков он есть на самом деле.

2. Моральное познание — это формирование моральных убеждений, которые, наряду с другими убеждениями, имеют такое же важное значения для познания.

3. Оценочные суждения, как и суждения о фактах, — это познавательные акты, в основании достоверности которых лежит правильное (рациональное) восприятие ценности.

4. Акт познания не является исключительно когнитивной функцией разума, в нем задействованы и чувства как фактор познания, благодаря которым мы формируем правильное отношение к познаваемой ценности.

Кроме того, важной особенностью теории Льюиса является то, что при построении системного взгляда на предметы морального познания он умело комбинирует философские изыскания в области теории и иллюстрирует действительности моральных норм и теоретических положений в вымышленных мирах своих художественных произведений.

Отдельным достоинством теоретических обобщений Льюиса в области морального познания является выбор ракурса, который позволяет внимательнее и с большей ясностью изучить влияние особенностей познания на формирование ценностных предпочтений. Именно они в конечном счете и определяют порядок в иерархии ценностей и взгляд человека на мир. Причем правильное (объективное, рациональное) формирование предпочтений может быть исключительно направленным процессом, требующим внимания и особых усилий. Льюис, соглашаясь с Платоном и Аристотелем, считает, что путь морального познания должен проходить через систему воспитания, образования и инициацию. На этом пути человек учится познавать фундаментальные истины и получает знания о мире, включающие в себя моральное наследие человечества. Только этим путем человек входит в свое право быть настоящим Человеком, обладающим истинной человеческой природой.

В этом качестве соблюдение моральных норм уже не будет представлять собой насилие над личностью, человек будет склонен отвергнуть все, что противоречит его истинной природе, при этом будет стремиться приобрести

именно то, что ей соответствует. Такой человек уже не сможет относиться к окружающему как просто к объектам и употреблять их себе только лишь на пользу, ценностные суждения станут нормой его жизни. И «для того, чтобы вонзить стилет в мертвого человека или живого зверя» или попрыгать распятие Христа, «ему нужно будет в себе что-то сломать» [1, с. 400].

ЛИТЕРАТУРА

1. Льюис К. С. Собр. соч.: в 8 т. — М.: Фонд имени О. Александра Меня; СПб.: Библия для всех, 2003. — Т. 3: За пределы безмолвной планеты. Переландра, Человек отменяется, и др. / пер. с англ. Н. Трауберг и др. — 416 с.
2. Льюис К. С. Собр. соч.: в 8 т. — М.: Фонд. Александра Меня; 2006. — Т. 7: Круглой путь или Блуждания паломника. Чудо. Настигнут радостью (духовная автобиография) / пер. с англ. Н.: Трауберг, Л. Сумм. — 448 с.
3. Льюис К. С. Собр. соч.: в 8 т. — М.: Фонд о. Александра Меня; СПб.: Библия для всех, 2003. — Т. 4: Мерзейшая мощь. Рассказы / пер. с англ. Н. Трауберг и др. — 352 с.
4. Льюис К. С. Собр. соч.: в 8 т. — М.: Фонд о. Александра Меня; Дом надежды, 2006. — Т. 8: Письма Баламута. Страдание. Расторжение брака. Эссе. Похороны великого мифа, и др / пер. с англ.: Н. Трауберг, Т. Шапошникова, Г. Ястребов. — 464 с.
5. Мэрдок А. Суверенность Блага // Логос. — 2008. — № 64. — С. 117–137.
6. Лосский Н. О. Ценность и Бытие. — Париж: YMCA Press, 1931. — 136 с.
7. Plantinga A. Warranted Christian Belief. — New York: Oxford University Press, 2000. — 309 p.
8. McNaughton D. Moral Vision An Introduction to Ethics. — Oxford: Blackwell Published, 2007. — 214 p.
9. Lewis C. S. The Weight of Glory // Lewis C. S. The Weight of Glory and Other Addresses. — New York: Macmillan, 1949. — P. 1–42.
10. Putnam H. Reason Truth and History. — New York: Cambridge University Press, 1998. — 232 p.